№43 (19587)
ЧЕТВЕРГ 5 НОЯБРЯ 2026 ГОДА
ГОРОД КОРОЛЁВ • ГАЗЕТА «КАЛИНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА»
КАЛИНИНГРАДКА

КАК МЫ ВЗЯЛИ СОБАКУ ИЗ ПРИЮТА

НАДЕЖДА ЗВЯГИНЦЕВА,
ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРА

Бонита Антоновна — метис таксы — появилась в нашей семье вопреки здравому смыслу. Чёрный, с белым пятнышком на грудке подросток смотрел на меня с фотографии фирменным «таксячим» взглядом, в котором были, как положено, и любопытство, и хитринка, и удивление, и, разумеется, вся скорбь мира. Она сидела на металлическом столе, вокруг — кафельные стены. Снимок, видимо, был сделан во время ветеринарного осмотра, после того, как малышку поймали в степях Таманского полуострова — об этом, то есть о её до приютских и приютских скитаниях, мы, конечно, узнали позже. Тогда же меня просто поразило её сходство с Шансом: метисом таксы, абсолютно чёрным, с белой кисточкой на кончике хвоста, который прожил со мной почти 15 лет, и всё это время, с первого дня нашей встречи, был моим лучшим другом.

ШАНС С СЕМЬЁЙ

Я работала на телеканале «Первый Мытищинский». Однажды, в разгар рабочего дня, когда редакция вовсю готовила очередной ежедневный новостной выпуск, в журналистскую заглянул старший оператор Костя Бондаренко. «Кто хочет таксу?» — спросил он. Я, не отрываясь от экрана монитора, коротко ответила: «Я хочу!» — «Сейчас привезу», — пообещал Костя и закрыл за собой дверь.

Я действительно давно думала о том, чтобы завести щенка таксы: очень уж эта порода казалась мне очаровательной, что же касается норовистого характера, о котором предупреждают кинологи, то меня он совершенно не волновал — кто из нас не без греха? Тем более, определённый опыт в общении с четвероногими ребятами у меня имелся.

Ещё учась в начальной школе, я принесла домой щенка — на улице стоял лютый мороз. С порога говорю: «Мама, давай заведём собачку?» Она открыла дверь пошире, мол, «ну показывай собачку, которую ты собралась завести», а я достаю рыжего малыша из кармана шубы: «Вот, — говорю, — стояла, дрожала… Люди вокруг собрались, жалели, но никто не забрал. Она замёрзнет». Но мама меня уже не слушала — она занималась собачкой: выделила ей блюдечко, налила водичку, искала в холодильнике подходящую еду. Щенка назвали Альмой, одно из значений этого имени — «родная». Она была звездой нашего двора: собачка оказалась миниатюрной, размером не больше йорка. Таких собак тогда, в советские годы, отродясь никто не видел, разве что на картинке. Само собой разумеется, в семье она была всеобщей любимицей, кажется, родителям Альма и вовсе стала третьим ребёнком, особенно папа в ней души не чаял.

Альма прожила с нами 15 лет. Когда она была уже в возрасте, в нашей семье появился эрдельтерьер Арнольд: его мои родители, когда гостили у родственников, выменяли на кулёк конфет у деревенского охотника — щенки мешали его собаке ходить на охоту, и он от них вот так избавлялся.

На дворе стояла зима 1991—1992 годов: СССР распался, началась гиперинфляция. Щенок заболел энтеритом. Лечили водкой, корвалолом и мёдом — никакой самодеятельности, «болтушку» прописал ветеринар, которого вызвали на последние деньги. Арнольд тогда, как ни странно, выжил, но впоследствии прожил не долго, всего семь лет — у него оказался порок сердца. Смешной был пёс: очень любил ходить с нами за молоком.

По выходным во двор на проспект Королёва приезжала жёлтая бочка. К ней выстраивалась длинная очередь — все с бидонами. Стояли по нескольку часов. Участвовала вся семья: периодически сменяли друг друга. И только Арнольд выдерживал всё мероприятие от начала и до конца! Вернувшись домой, пёс садился возле миски и ждал, когда мама вскипятит молоко и нальёт ему порцию. Её он выпивал без остатка с большим удовольствием, а потом послушно ждал, когда вытрут полотенцем «бороду».

Лис стал первым моим псом. Я была глубоко беременна, без постоянного места жительства, когда узнала, что знакомые будут топить щенков, которых вот-вот должна родить их собака. Я попросила оставить мне одного щенка: это всё, что я тогда могла сделать. Лис вырос огромным, неимоверно лохматым, очень умным и бесконечно покладистым, но только по отношению к «членам своей стаи». Особенно он заботился о безопасности моего сына Ярослава. Лис буквально взял шефство над ребёнком: прибегал за мной на кухню, когда «младший хозяин» просыпался после дневного сна, не подпускал посторонних к коляске — приблизиться можно было только после того, как я давала команду «рядом». Друзья знали об этом и, приметив нас на улице, останавливались в ожидании. Он, конечно, не кидался, но зубы скалил весьма убедительно. Причём, специально Лиса этим «трюкам» никто не учил, видимо, было что-то «породное». Отучать его тоже не стали, на дворе всё-таки шёл 1999 год… Позднее Лис поддерживал Ярослава во всех играх. Особенно им нравилась игра в доктора. Лис ушёл от нас в Рождество, в возрасте 15 лет.

Я долго не заводила животных: ребёнок — школьник, работа, которая требует максимальной самоотдачи… Был у нас, правда, девятикилограммовый чёрный кот. Однажды, будучи ещё котёнком, он просто зашёл вместе с нами в квартиру и остался. Рома был флегматичным, любил уединение и в общем-то жил сам по себе — от меня только и требовалось наполнять миску кормом и чистить лоток. Словом, мне не хватало собаки, но 25 тысяч — именно столько тогда стоил щенок таксы — у меня не было. Поэтому, когда Костя заглянул в журналистскую с вопросом, я ответила не задумываясь.

Через пару часов он вернулся с собакой. Как оказалось, она увязалась за его женой: села вместе с ней в электричку, доехала до Ярославского вокзала, а там — и до места её работы. Собаку срочно требовалось пристроить: оставить на улице, в чужом для неё месте, нельзя, на работе — тоже не вариант, поскольку жена Кости работала в медицинском учреждении, дома же их ждала своя собака.

Таксу встречали всей редакцией, однако она почему-то моментально выбрала меня: бросилась в ноги, радостно виляя хвостом. На редакционной машине её отвезли к Дмитрию Ивановичу Клеймёнову, заслуженному ветеринарному врачу Российской Федерации, почётному гражданину Мытищинского района, который на тот момент был главным ветеринарным врачом Мытищинского района и частым героем наших телесюжетов и телеэфиров. Он молча осмотрел пса, удалил суровые нитки, которыми была «через край» прошита кожа на его передних лапах, сделал необходимые прививки, открыл новенький ветеринарный паспорт и наконец произнёс: «Какую породу пишем?» — «Такса», — гордо ответила я.

Пока я закрывала свои задачи, с таксой играли и гуляли уже освободившиеся коллеги. Имя Шанс прозвучало почти сразу и, кажется, единодушно. Главный инженер Владимир Алексеевич Шустов нашёл в своих закромах верёвку — она послужила поводком.

Так, на верёвке, вечером Шанс и поехал в Королёв, домой. По пути мы зашли в зоомагазин: купили корм, миски, лежанку, необходимую амуницию, а ещё Шанс выбрал себе игрушку — красный мяч. Резиновые мячи и кольца красного или оранжевого цвета он любил всю свою жизнь и всегда сам себе их «покупал», если мы вместе заходили в зоомагазин. Товар на кассе в таких случаях пробивали, поднося к сканеру вместе с собакой — по-другому никак не получалось, не отдавал.

Шанс появился в моей жизни в очень сложный для меня период: он буквально вытащил меня из депрессии — стал моим лучшим другом, компаньоном в путешествиях, всевозможных делах, даже не раз был героем телесюжетов, но главное, подарил мне безусловную любовь, несмотря на то, что я с ним была достаточно строгой. Воспитывала я его, основываясь на методах советской школы дрессировки, которая пришла из служебного собаководства, и, как теперь мне очевидно, для малышей, а тем более, норовистых такс, не подходит. О так называемой гуманной дрессировке — подходе, который ставит во главу угла социальный контекст, уважение к личности, темпераменту собаки, я тогда, к сожалению, не слышала.

Последние годы своей жизни Шанс тяжело болел. Я до сих пор не знаю, правильно ли мы с мужем поступили — к тому времени я во второй раз вышла замуж, — когда решили не делать Шансу операцию, а поддерживать его таблетками. По словам ветеринаров, ему и так, и так оставалось жить максимум пару лет. Диагноз был неутешительным — рак поджелудочной железы. Опухоль такого рода сама по себе микроскопическая, обнаружить чаще всего невозможно. Ветеринарные хирурги просто вырезают те части органа, без которых животные могут продолжать жить, в надежде на то, что вместе с ними будет удалено и новообразование. У Шанса опухоль так и не увидели, однако она регулярно давала о себе знать гипогликемическими приступами: сахар в крови мог упасть как днём, так и ночью, причём до каких-то безумных значений — порой, ниже единицы. Помогала ампула 40% глюкозы. Я вливала её Шансу в пасть, и он постепенно приходил в себя из обморока. На прописанном врачом лекарстве приступы случались реже, но всё же были. Кормить его надо было 6 раз в сутки, то есть каждые 4 часа. Поэтому утром я отвозила Шанса к маме — она пенсионерка, а сама ехала на работу. Вечером я забирала собаку, мы гуляли и шли домой. Большим подспорьем стало забавное китайское изобретение — специальная коляска для животных, которую мы увидели и приобрели на маркетплейсе. Шанс ходил медленно, в коляске же можно было по-прежнему свободно передвигаться на длинные расстояния, например, гулять по парку. Он восседал в ней как генерал на парадном автомобиле, крутил головой по сторонам, нюхал воздух — ему очень нравилось так гулять! Но, боже мой, сколько мы натерпелись, пока королёвцы привыкли к женщине с собакой в коляске! Было так обидно: мне советовали родить ребёнка, а «не маяться дурью», в меня даже плевали, некоторые водители автобусов захлопывали передо мной двери и пару раз выгоняли, когда я всё-таки успевала зайти в салон. Однако, к счастью, было много добрых людей, которые помогали зайти в автобус или выйти из него, подняться на бордюр, расспрашивали, сочувствовали, просили разрешения погладить Шанса. Как-то одна прохожая, она представилась учительницей, дала мне совет: сказала, чтобы я не обижалась на злопыхателей, а пожалела их, потому что, очевидно же, что им в жизни просто не досталось любви. И знаете, после этих её слов мой мир словно поменялся: людей, которые хотели бы нам с Шансом помочь, стало в разы больше, если не все!

В болезни Шанс прожил два с половиной года, пережил две операции уже по другим поводам, и, в конце концов, у него отказали почки. Он умер в нефрологическом центре: когда мы туда обратились, оставался мизерный шанс ему помочь, но чуда не случилось… Везли мы его туда в вязаном розовом одеяле, которое я схватила с нашей кровати. На нём же он лежал, когда мы с ним прощались: словно безмятежно спал, свернувшись калачиком. В это же покрывало, которое с тех пор так и оставалось в багажнике машины моей невестки Полины, мы завернули Бониту Антоновну — мокрую, дурно пахнущую и безумно, безумно похожую на Шанса…

(Продолжение следует)